

Попытка подведения итогов перед предполагаемым концом света

...Мы возвращались со съемок в самый разгар безумно жаркого — до +35 в тени — июльского полдня. Машина наша — маленькая бежевая "Лада", в которой было душно, как в чреве у кита, остановилась у переезда. Мы ждали, когда пройдет электричка. Все пораскрывали двери салонов и тяжело дышали. Взор мой тем временем ушел в сторону, туда, где в знойной обесцвеченной степи буйствовало разнотравье. Я поняла, что больше всего на свете мне хочется сейчас выйти из машины, и демонстративно громко хлопнув дверцей (словно поставив жирную черту и оставив за ней тысячи обязательных и рутинных вещей как то: досъемка программы, ее монтаж, озвучка, т. е. необходимость ежедневного зарабатывания на хлеб насущный, постоянную суету и общение со множеством не всегда интересных мне людей, никчемные разговоры и т. д. и т. д. — мелочей, которые съедают мою жизнь), — пройти неспеша по жарко дышащему лугу туда, в неглубокую тень акаций и каких-то растрепанных кустов, найти уютное местечко и залечь среди вьюнков и тысячелистников. Залечь и лежать там, подняв вверх лицо и рассматривая важно плывущие в голубой бездне облака. Лежать хоть все отмеренное (кем?) мне время жизни. Или пока не напитаться тишиной и запахами. (Я прямо-таки увидела, что где-то сбоку у меня черный вьется шнур, и я подключаюсь, как подключаются к розетке китайские лампы, к дармовой энергии летнего полдня. И пью ее, пью. Только никак не могу напиток.)

Позже, уже подъезжая к Одессе, я осознала вдруг, что все это время помню о том, что завтра — день солнечного затмения. В который неким черногорским монахом обещан был Конец Света. Это обещание я вычитала четыре месяца назад в каком-то официальном еженедельнике, и оно засело у меня гвоздем в голове и холодом в животе. Вновь почувствовав холод под ложечкой, я подумала — как славно было бы провести этот день вот здесь — на заросшем жарком лугу среди белых и розовых вьюнков. В одиночестве. И если Конец Света состоится, то так и встретить его в не-суете, прижимаясь спиной к горячей земле, наблюдая, как постепенно темнеет и исчезает небо.

Признаюсь, что, думая о предполагаемом КС, я все время ощущала жуткий ужас и панику.

Этот атактистический ужас, вне всякого сомнения, дошел до меня от невообразимо далеких предков, которые в моменты затмений больше всего боялись, что солнце зайдет и не выйдет. Некоторые из них скорее всего так и умирали от разрыва сердца, не дождаввшись возвращения светила.

Подобный же ужас я испытала однажды во сне. Сон мне приснился замечательный. В нем был сюжет, действие разворачивалось в четко очерченном пространстве. Пространство было окрашено в яркие без полутонов цвета. Был ли это сон-воспоминание, или сон-предупреждение? Было ли мне дозволено в том сне увидеть прошлое или заглянуть вперед — я не знаю...

Помню только, что ехала я куда-то на темно-синей небольшой машине по хорошей дороге, выложенной из белых гладких плит. День стоял солнечный и жаркий. Все кругом было бело от неистового солнца. Дорога пролегла по огромному песчаному острову, и я точно знала, что остров этот — Атлантида. Песок был белый, мелкий и очень горячий. Среди песка внезапно вырос город, и машина моя остановилась возле высокого, похожего на Исаакиевский собор храма. Я вошла внутрь. В этот миг и началось землетрясение. Я помню, как страшно раскачивались стены, расписанные яркими фресками. Что было потом — не знаю. Дальше сон обрывался...

...И что толку, что мой друг — профессор-физик, он же астроном — вот уже месяц успокаивал меня по телефону:

— Да нормально все будет — не берите в голову! Вы знаете, сколько этих затмений уже пережило человечество! А вы, ей-богу, как папуаска у Миклухо-Маклая... Приезжайте лучше ко мне чай пить. Будем наблюдать затмение вместе... Я такой плов приготовлю, пальчики оближете...

Но я, как ребенок, внезапно понявший, что люди смертны, и пропустивший это абстрактное понимание через себя (помните эти пронзительные ночные мысли-озарения — я умру, и мама умрет, и бабушка...) — так и я внезапно увидела пределы человечества. (Словно кто-то очертил невидимую раму, за которой черное холодное небытие.) И поняла, как зыбок и хрупок наш мир. (А ведь раньше, пока я этой хрупкости и конечности не понимала, — бессмертие человечества было той соломинкой, за которую я всякий раз хваталась, успокаивая себя, — мол, не так все страшно, хоть мы все умрем, но цивилизация останется, и часть моя перейдет в детей, внуков, праправнуков, люди жили до нас и будут жить после...)

А сейчас я ежесекундно могу вообразить себе, как мир внезапно, без всякого объявления, погружается в пучину... Не все равно от чего: от столкновения ли с кометой, или оттого, что солнце охлаждается, или планета наша внезапно сойдет с орбиты,

Весь мир
С Эйфелевой башней.
С симфониями Моцарта.
С Веной, Парижем и Лондоном.
С теорией относительности.
С египетскими пирамидами.
С триллионами книг на библиотечных полках.
С бабушками на завалинках в русских деревнях.
С небоскребами.
С "Сикстинской мадонной".
С православными церквями, католическими соборами, мусульманскими мечетями.

Шесть миллиардов.

Дети. Старики. Генералы. Президенты. Ученые, Бомжи. Миллионеры. Пьяницы. Голливудские звезды...

Кстати говоря, как и комбайн вместе с комбайнером, которого мы снимали в тот день...

Как и ярко-желтое хлебное поле, по которому все бежали и бежали желтые волны. А комбайнер — белозубый мужик, черный от пыли и загара, — заглушив мотор, ждал, пока помощник принесет напиток. А потом, запрокинув голову, жадно глотал воду, которая булькала и бурлила у него в горле, и холодные капли стекали по подбородку. В каплях отражалось крохотное желтое поле, зеленый итальянский комбайн и голубое небо с круглым облаком. Мир этот был трогательно и незащитно прекрасен. И хотелось, чтоб он был вечно. От этого пронзительного хотения у меня защипало в носу...

Еще лежа в постели ранним утром предполагаемого дня КС, я поняла, что передо мной открыта масса возможностей прожить оставшиеся несколько часов красиво.

Я могла:

а) отгородившись от всего, выключить TV, глухо зашторить окна, положить кассету с увертюрой к "Севильскому", сесть на диван, прижав к груди кота, ожидать КС в тишине и уюте;

б) поехать на вышеописанную поляну с вьюнками и лечь, вперив взор свой в небо;

в) попробовать найти более-менее пустынный кусок морского берега и просидеть там вплоть до КС;

г) собрать самых близких друзей и, взяв несколько бутылок хорошего шампанского с закуской, оторваться где-нибудь опять же на берегу моря по полной программе;

д) впрочем, можно было бы заняться любовью. Но не хотелось. Возможно, слишком много усталости накопилось в наших отношениях. И жалко было тратить несколько оставшихся часов на их выяснение.

Обдумывая варианты и проигрывая их в голове (ах, как красиво можно было бы все это живописать — особенно варианты а, б, в, д — каждый тянул на небольшую новеллу, в которой лейтмотивом бы стали отчаяние, ожидание неминуемого конца, и все это вперемежку с описаниями природы, страсти, человеческих отношений).

Но проиграв их в уме, я ровно в 10.00, за два с половиной часа до объявленного КС, как невменяемая помчалась в единственное место, в котором мне вдруг захотелось оказаться.

В толпу. В толкучку. Жарко дышащую. Кисло-потную. Пихающуюся локтями. Наступающую на ноги. Матерящуюся при этом. В наглую, в нервную, чутко реагирующую на все вокруг. Но в отличие от праздно пляжной толпы — занятую делом. Древним, как проституция. Считающую мятые гривни. Прячущую за пазухой потертые доллары. Продающую и покупающую. Делющую это с азартом и удовольствием. (Ведь заводы стоят, фабрики стоят, производства почти никакого.) А здесь тысячи счастливых людей, нашедших себя. Которые жрут беспрестанно кошмарные какие-то бутерброды с сосисками, корейской морковкой и кетчупом. Запивая все это фантастическим количеством колы.

Короче, взяв такси, я через 20 минут уже бродила по 7-му километру.

Хожу, наблюдаю и постепенно втягиваюсь в процесс. Хочется самой торговаться, примерить то ту кофточку, то эту. Начинаю потихоньку прицениваться. Тем более что 200 гривен — последнее, что было в доме, — жгут мне карман, как пепел Клааса. Ведь если через два часа КС, они мне вряд ли понадобятся. Понадобятся ли мне в случае КС туфли, кофточки, платья и сарафанчики — тоже вопрос. Но я не хочу на него отвечать. Я его загоняю в подсознание.

Зато как радостно чувствовать себя королевой и по-королевски распорядиться тем, что у меня осталось, — двумя часами жизни.

Добавьте к этому прекрасное чувство почти полного освобождения от паники и страха — ведь на миру и смерть красна. А тут вроде никто о ней и не думает: все шевелятся, толкуются, замороженно пялятся на разноцветные тряпочки.

Я бреду от контейнера к контейнеру, примеряю, разговариваю с продавцами и одновременно рассматриваю людей, суетящихся вокруг. А они пересчитывают денежки, волокут взад-вперед тяжеленные тюки, катают тележки с едой и питьем. Рядом два мужика тянут огромный турецкий ко-

вер. Вид мужиков успокаивает меня окончательно. Также и хорошенькая девушка, на виду у тысячной толпы примеряющая кружевной лифчик.

— Ты б еще трусики примерила, — громко осуждает ее деревенская тетка.

Успокаивает меня и толстая бабенция, пытающаяся впахнуть свои телеса в голубые джинсы. Джинсы никак не застегиваются на животе. Бабенция изгибается то так, то эдак. То вперед. То назад. Продавцы — два молодых парня — обхватывают теткин живот, помогая ей застегнуть штаны, и хохочут при этом. Абсолютно брейгелевские сюжеты. Пиршество простых и понятных вещей, понятий, одномерных, как хлеб и вода. "Если бы сюда вдруг опустился инопланетный корабль, — представила я, — что инопланетяне о нас подумали бы, какой вывод сделали о нашей жизни и цивилизации по такому ее срезу? Какой смысл увидели бы в непрекращающемся движении человеческого муравейника?" Впрочем, я абсолютно уверена, что 7-й инопланетян бы не заметил. "Новый павильон построили, а что там продают?" — решил бы 7-ой и кинулся внутрь за покупками.

...Словно легкая тень с огромной скоростью пробежала по контейнерам.

— Затмение началось, — сказал кто-то громко.

— А чихать я хотел на них всех. И на затмение ихнее паршивое, и на правительство ихнее паршивое, — громко сказал, обращаясь к кому-то в небе, торговец футболками.

Рядом с ним, уставившись вверх, лихорадочно пожирала пиццу семья из трех человек — толстый глава семьи в шортах на толстых волосатых ногах, толстая мать и толстый подросток лет четырнадцати.

— Пронесет или не пронесет? — задумчиво произнес глава, запихивая в рот огромный ярко-красный кусок.

Что он имел в виду?

Возникла вдруг жалкая мысль — а вдруг и в самом деле конец, и никогда больше не наступит зима. Стабильности отчаянно захотелось. И чтоб все осталось, как есть: осень, зима, весна, лето, Дерibasовская, гамбургеры, продавщицы цветов, женщины в летних платьях, акации, Дюк... С сильным желанием, чтоб ничего не менялось, я укрылась в первом попавшемся контейнере и лихорадочно начала примерять дорожные норковые шубы. Никогда, никогда не будет у меня такой, надо успеть хотя бы примерить. В этот момент от солнца остался узкий серп, и стало не то чтоб темно, но как-то неудобно, и тени легли на землю странные. Неестественные. Не хотелось мне смотреть на все это, ей-богу, не хотелось. И я нахлобучила на голову огромный капюшон. И глаза закрыла.

Жарко мне было под этим капюшоном, как в бане... По лицу стекал крупный пот, смешиваясь с тушью...

— Все, у них уже светло! — звонко крикнул парень, продающий маленькие японские телевизоры. На каждом телевизоре было изображение обгрызенного светила.

Мрачная тень, покрывшая 7-ой, между тем стремительно светлела. Затем понеслась дальше — на Турцию, Израиль, Индию...

А я, сорвав горячий капюшон вместе с шубой и рассматривая суеязящую толпу, подумала: ведь то, что люди здесь, на 7-м, равно как и все человечество, которое в эти часы предполагаемого КС жило обычной своей жизнью и не боялось (по крайней мере, внешне) надвигающегося на него космического холода и небытия, — очень хорошо это самое человечество характеризует. Вроде как человечество говорит кому-то, кто за Конец Света отвечает: ну, вы там решайте, делать или не делать его, а мы тут пока со своими проблемами разберемся, а их вон сколько накопилось: надо суп сварить внуку и котлеты пожарить, и стирка большая собралась, а у той вон красавицы воды уже отошли, так что не мешайте работать, а вон рыбак удочку закинул — сидит, ждет, а у тех вон реакция какая-то невообразимая в колбах началась, а писателю надо рассказ дописать и он сидит — мучается над последней строкой...

Я тоже сидела — ломала голову над последней строчкой. Надо же было как-то закончить этот сумасшедший день предполагаемого Конец Света. Точку поставить в нужном месте. Чтоб всем все понятно стало.

И ее сама жизнь поставила, и ничего не надо было придумывать. Потому что я после несостоявшегося КС в самом конце дня увидела эти танцульки. На берегу моря. И солнце давно уже село. Сумерки были на самой границе дня и ночи. И вот там-то на бережку, у кромки воды, плясали мужики и бабы. Немолодые уже, толстые, с животами, пьяненькие — один спал в машине, положив голову на руль. Видно, чье-то день рождения отмечали. Потому что здесь же на песке лежала белая скатерть, а на ней — бутылки стояли с водкой и шампанским, бутерброды небрежно были накинаны с колбасой и брынзой. Помидорки и огурчики лежали горкой. Магнитофон из машины наяривал общелюбимую "Ти казала у субботу підем разом на роботу...". И эта подвыпившая компания так пританцовывала, что песок летел во все стороны. И лица у них при этом светились абсолютным довольством...

Так заразительно они веселились (забыв на несколько часов о том, как тяжело человечье существование), что и я начала пританцовывать, стоя над ними на косогоре...

И все мы и здесь, на берегу моря, и все человечество уже абсолютно забыло, что если бы девять часов назад таки состоялся Конец Света, от всех этих танцев остались бы только воспоминания. Которые на атомном и субатомном уровне мчались бы в черной бездне среди холодных звезд...